

Восточное приграничье России: проблема сохранения человеческого капитала¹

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук. E-mail: iglazyrina@bk.ru
Л.М. ФАЛЕЙЧИК, кандидат технических наук, Институт природных ресурсов,
экологии и криологии СО РАН, Забайкальский государственный университет,
Чита. E-mail: lfaleychik@bk.ru

В статье изучаются соотношения между миграционным оттоком населения из регионов СФО и ДВФО и динамикой экономических показателей. Показано, что существующие инструменты поддержки процессов развития восточных регионов России не обеспечивают решения задач сохранения человеческого капитала. Сформулирован вывод о том, что для решения стратегических задач востока России меры по совершенствованию институциональной среды в первую очередь должны быть нацелены на преодоление межрегионального неравенства по качеству жизни.

Ключевые слова: человеческий капитал, экономический рост, миграционные потоки, ВРП, уровень бедности, приграничные регионы

Кадры и человеческий капитал –
это не одно и то же

«Восточный вектор» международного экономического сотрудничества уже более 20 лет привлекает внимание политиков, бизнеса и научного сообщества в России. В нынешних политических реалиях ему уделяется особое место. Уже ясно, что приоритетным будет сотрудничество в природно-ресурсной сфере, по крайней мере, в ближайшие годы. Опыт показывает, что в этом случае решение (или даже попытка решения) экономических проблем может создавать новые, уже социальные и/или социально-экологические проблемы. Однако очевидно, что ориентация на природно-ресурсный потенциал восточных регионов – это

¹ Изложенные в статье результаты получены в рамках исследований междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 146 и государственного задания Министерства науки и образования РФ в ЗабГУ № 2014/255, проект 2598 «Государственное регулирование процессов природопользования приграничного региона: государственно-частное партнерство и кластерная политика».

наиболее быстрый путь, обеспечивающий экономический рост и бюджетные поступления. Эта ориентация возникла не сейчас, в сущности, еще в годы реформ.

Многочисленные исследования говорят о том, что лимитирующим фактором для развития востока страны всё более становится человеческий капитал. Даже проблема инвестиций отходит на второй план, поскольку они или не приходят туда, где некому реализовать инвестиционные проекты, или оказываются напрасными. Все чаще звучит возглас: «Некому работать!». Поэтому целесообразно взглянуть на проблему в этом аспекте, включая мировые тенденции.

Нет необходимости доказывать, что за последние 50 лет уровень жизни в мире существенно вырос. Однако этот рост проходил весьма неравномерно, и многие страны так и остались в категории бедных и очень бедных. Основным инструментом преодоления бедности традиционно считается экономический рост. Но сейчас уже вполне можно констатировать, что он сопровождается возрастающим неравенством – и меж-, и внутринациональным.

В 1960 г. отношение среднего душевого ВВП 20% самых богатых и 20% самых бедных стран было 21:1. В 2008 г. оно достигло уже 121:1. При этом количество очень бедных людей (с доходом менее 1 доллара в день) существенно не меняется: 1,2 млрд чел. в 1987 г., 1,3 млрд – в начале 90-х, 1,1 млрд – в 2003 г.² Как отмечается в этой работе, можно спорить о том, насколько экономический рост способствует повышению уровня жизни, но ясно, что кардинально проблемы бедности он не решает. В то же время устойчивое и возрастающее неравенство становится угрозой для стабильности в мире. В условиях конкретного региона высокий уровень неравенства и бедности создает ощутимый социальный дискомфорт и тем самым снижает качество жизни.

Дискуссия о том, насколько оправдана преимущественная (иногда – исключительная) ориентация государственного управления на экономический рост, становится все более популярной в научной литературе. Для достижения этой цели формируются

² Rammelt C.F. and Boes J. Galtung meets Daly: A framework for addressing inequity in ecological economics // Ecological Economics. – 2013. – V. 93. – P. 269-277.

инвестиционные потоки, разрабатываются механизмы регулирования и стимулирования, однако задачи сохранения человеческого капитала в лучшем случае остаются на периферии этих усилий. Эти задачи чаще всего понимаются как решение кадровых вопросов. Считается достаточным обеспечение финансированием соответствующих строк в бизнес-планах. Однако человеческий капитал и кадры – это не одно и то же. Когда мы решаем проблему кадров – мы говорим прежде всего о заработной плате, отвечающей балансу спроса-предложения на рынке труда. Когда ставится задача сохранения человеческого капитала, речь идет о спросе на качество жизни и предложении этого качества в условиях конкретной территории – в стране, регионе, городе, поселке и т.д. Страны, регионы, города и даже села находятся в состоянии постоянной конкуренции за человеческий капитал! Иногда важно количество, иногда – качество, но конкуренция есть всегда. В настоящее время в проигрыше оказываются восточные регионы России.

Экономический рост,
уровень бедности и миграция

Экономический рост и увеличение реальных доходов практически во всех регионах России мы наблюдали с 2000 г. Однако отток населения из восточных регионов не прекращался, причем из приграничных, на которые, казалось, должен был оказывать позитивное влияние динамично развивающийся Китай, население уезжало особенно активно. Большинство граничащих с КНР регионов устойчиво находилось в зоне отрицательного миграционного прироста (рис. 1). Аналогичная картина – в регионах СФО (рис. 2)³, исключениями являются Новосибирская и Томская области, а также Красноярский край. По-видимому, одна из основных причин – то, что процессы развития проходили неравномерно, а миграционные настроения населения весьма чувствительны к территориальным различиям по уровню и качеству жизни.

³ Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири // ЭКО. – 2014. – № 8. – С. 18-31.

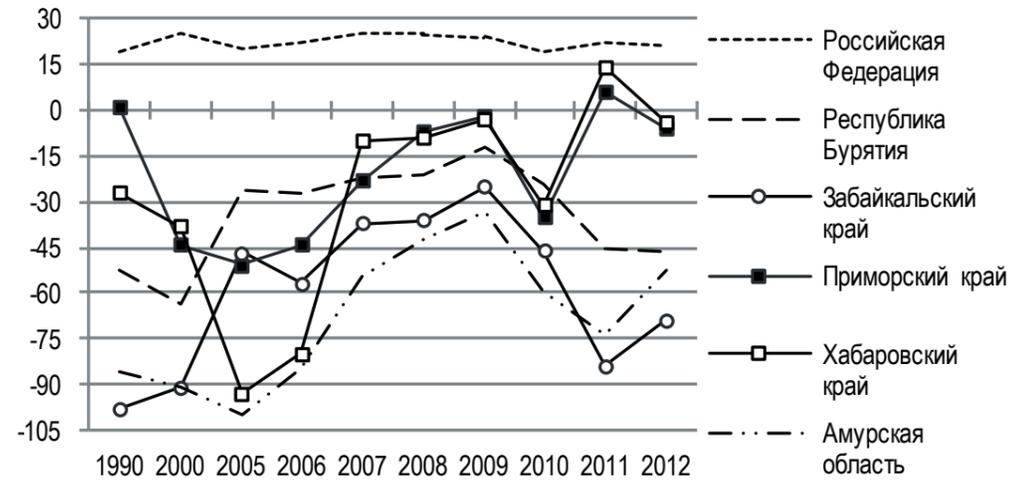

Рис. 1. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения в граничащих с КНР регионах СФО и ДВФО, в 1990–2012 гг.

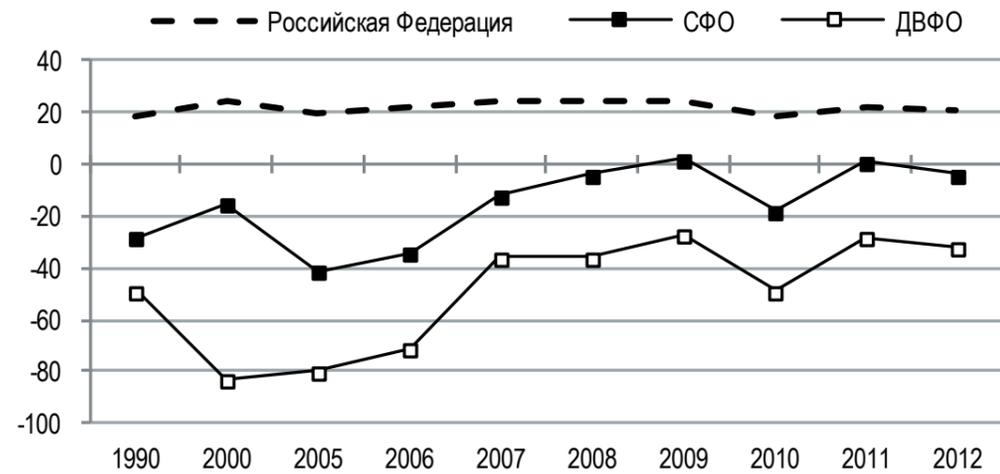

Рис. 2. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения в СФО и ДВФО в 1990–2012 гг.

Одним из основных количественных измерителей благосостояния традиционно является валовой региональный продукт (ВРП) в расчете на душу населения. Этот показатель устойчиво ниже среднероссийского для всех регионов, граничащих с КНР, и Республики Бурятия, которая также вовлечена в сферу российско-китайского сотрудничества (рис. 3; для сравнения на рис. 4 приведены данные для некоторых сибирских регионов). Если сравнить его значения с динамикой миграции, то можно сделать заключение о том, что в последние годы миграционные показатели

лучше там, где выше подушевой ВРП (Томская область, Красноярский край в СФО, Хабаровский и Приморский края в ДВФО).

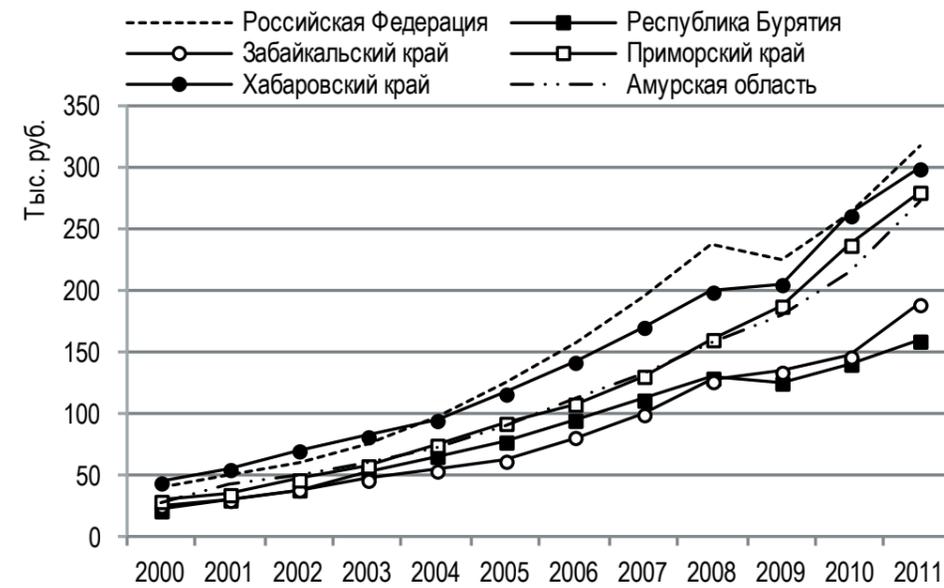

Рис. 3. Валовой региональный продукт на душу населения в граничащих с КНР регионах СФО и ДВФО в 2000–2011 гг., тыс. руб.

Исключением является Новосибирская область: при относительно невысоких показателях ВРП на душу населения она занимает лидирующие позиции по миграционному приросту. Это говорит о том, что, кроме подушевого ВРП, есть и другие факторы, существенно влияющие на миграционные потоки.

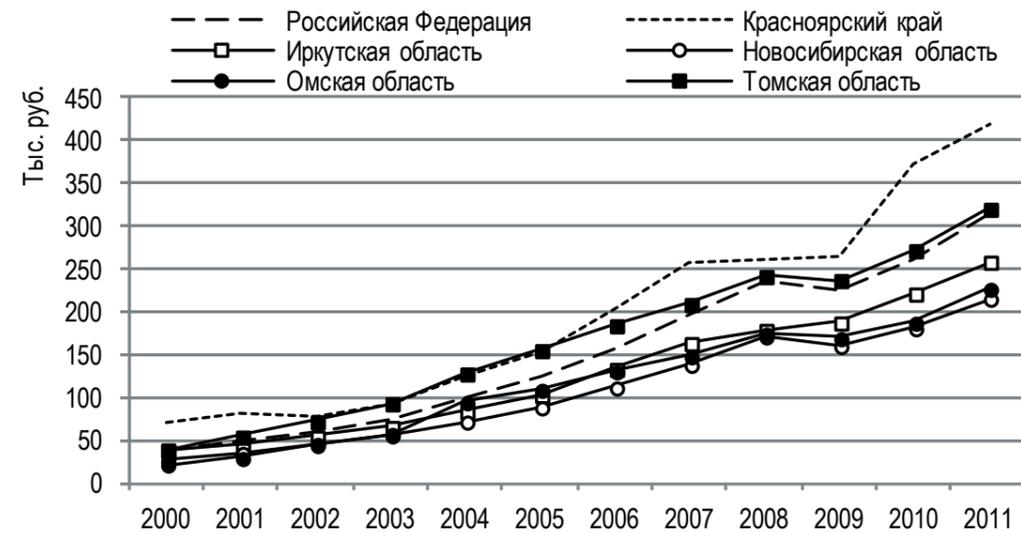

Рис. 4. Валовой региональный продукт на душу населения в некоторых регионах СФО в 2000–2011 гг., тыс. руб.

Выдающийся норвежский социолог и математик Йохан Галтунг считал, что главными проблемами в современном мире являются колоссальное межнациональное и внутринациональное неравенство и системное сопротивление снижению этого неравенства⁴, и сейчас мы видим многочисленные подтверждения его правоты. Межрегиональному неравенству в России в различных аспектах посвящено большое количество работ⁵. В рамках данной статьи мы рассмотрим только те аспекты, которые непосредственно связаны с российско-китайским приграничьем.

Один из важных показателей в этом плане – уровень бедности, количественной характеристикой которого может быть доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Для восточных приграничных регионов эта доля устойчиво и существенно выше среднероссийского уровня, но в Хабаровском и Приморском краях ситуация является более благополучной – и там же ниже миграционный отток (рис. 5).

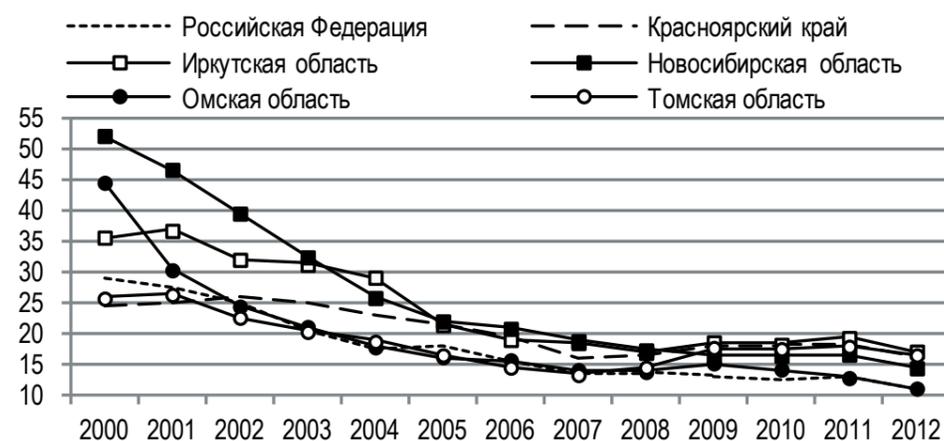

Рис. 5. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в граничащих с КНР регионах СФО и ДВФО в 2000–2012 гг., % от общей численности населения субъекта

⁴ Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. – 1971. – V. 8. – № 2. – P. 81–117.

⁵ Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.; Коломак Е. А. Модели региональной политики: конвергенция или дивергенция // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Социально-экономические науки. – 2009. – Т. 9. – С. 113–120.; Оптимизация территориальных систем / под ред. С. А. Суспицына. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН., 2010. – 632 с.; Селиверстов В. Е. Стратегические разработки и стратегическое планирование в Сибири: опыт и проблемы. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН., 2010. – 496 с.

Данные рисунка 6 говорят о том, что и в индустриально развитых регионах Сибири показатель бедности выше среднероссийского. Наиболее высоким он является в Иркутской области – и там же мы наблюдаем самый значительный миграционный отток населения в этой группе регионов.

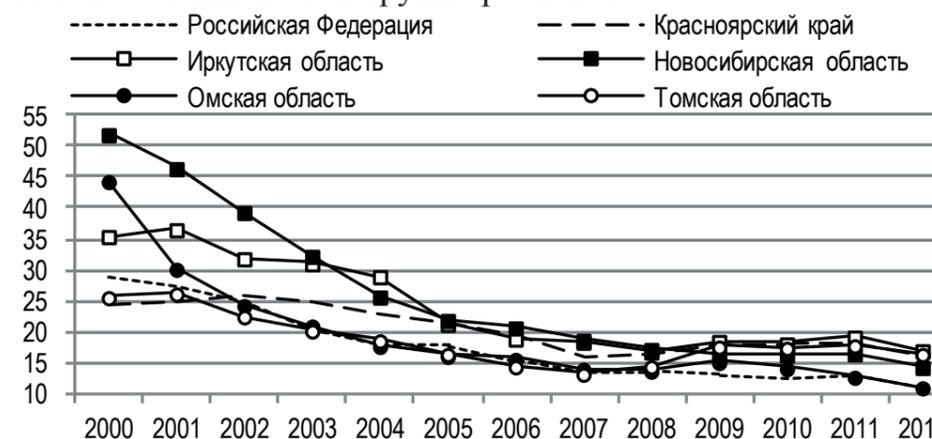

Рис. 6. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в некоторых регионах СФО в 2000–2012 гг., % от общей численности населения субъекта

Особую тревогу вызывают миграционные настроения образованной молодежи. Исследования показывают, что в одном из самых проблемных регионов – Забайкальском крае – в ближайшем будущем вполне вероятно не только снижение численности населения, но и ухудшение качества человеческого капитала⁶.

Надо ли ставить задачу преодоления неоднородности социально-экономического пространства?

Один из ключевых аспектов в изучении трансграничных процессов – специфика проявления неоднородности социально-экономического пространства в условиях межрегиональных взаимодействий, в том числе с регионами сопредельных стран. Эта неоднородность характерна для всего мира. Неоднородность и неравномерность развития промышленности, концентрация производства и формирования добавленной стоимости – имма-

⁶ Богомолова Т. Ю., Глазырина И. П., Сидоренко Н. Л. Приграничье востока России: миграционные настроения студенческой молодежи // Регион. Экономика и социология. – 2013. – № 4. – С. 154–173.

нентные свойства развития территорий на всех уровнях: локальном, национальном и глобальном. Хорошо известно, что успешно и динамично развиваются те страны и регионы, где наблюдается высокий уровень территориальной концентрации производства⁷. Попытки искусственного выравнивания по этим показателям часто снижают эффективность использования всех ресурсов, в том числе инвестиционных, и, в конце концов, замедляют экономический рост.

Проблема межрегиональных дисбалансов по-разному решается даже в развитых странах⁸. Учитывая, что на востоке у России есть не только экономические, но и геополитические цели, которых нельзя достичь в условиях высокой отрицательной миграции, *стратегия развития должна быть направлена на выравнивание по территории не производства и темпов роста, а качества жизни.*

То исключительное значение, которое (возможно, следуя неоклассической традиции в экономической науке) придается экономическому росту, иногда создает «ложные» сигналы и стимулы. Институциональная система в России, точнее, ее экономический блок, в целом ориентирована на достижение именно этой задачи. Считается, что регион, в котором рост более медленный, «хуже» тех, где рост идет быстрее, и на этой основе в значительной мере строятся государственная политика поддержки регионов, инвестиционная политика, разрабатываются проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) и т.д. По показателям экономического роста, валовых инвестиций и объемов производства оцениваются динамика развития регионов, качество работы органов государственного управления, что, в свою очередь, заставляет их искать крупных инвесторов, поддерживать масштабные проекты, обеспечивать им различные льготы и другие приоритетные условия. Иногда это приносит неплохие результаты. Однако история последних двух десятилетий развития восточных приграничных регионов России показывает, что такая стратегия далеко не всегда порождает устойчивую положительную динамику даже в терминах экономического роста: по показателю душевого ВРП мы видим

⁷ Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. Всемирный Банк. – Вашингтон, Округ Колумбия, 2008.; Зубаревич Н. В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 3–14.

⁸ Проблемы пространственного развития: методология и практика исследования / Под ред. Г. Г. Фетисова. – М.: СОПС, 2012. – 252 с.

устойчивое отставание от среднероссийского уровня, закрепление сырьевой ориентации и, как следствие, недостаточное количество рабочих мест, которым нужны квалифицированный персонал и обеспечение достойной зарплатой.

Государство разрабатывает и финансирует мероприятия территориально связующего характера для «сокращения экономического расстояния», прежде всего, развитие инфраструктуры, которые нередко ориентированы на то, чтобы обеспечить благоприятные условия для бизнеса конкретных компаний и/или консорциумов (автодорога и газопровод «Алтай», ВСТО, в Забайкалье – железная дорога Нарын – Лугокан и др.). Молчаливо предполагается, что последующее развитие производства и ускорение темпов роста сами собой создадут условия для достаточного повышения уровня и качества жизни. Однако для восточного приграничья, еще со времен СССР унаследовавшего отставание по этим характеристикам, эта стратегия может оказаться заведомо проигрышной. Потому что «догоняющий рывок», предполагающий модернизацию и внедрение инноваций, нельзя сделать без устойчивого и надежного (в долгосрочном плане) обеспечения квалифицированными кадрами, которое возможно лишь тогда, когда население готово здесь жить, работать, воспитывать и учить детей, строить дома и т.д.

Одним словом, нужны не просто кадры, а качественный человеческий капитал. Привлечение трудовых мигрантов, в том числе из КНР, может решить локальные проблемы отдельных компаний в отдельных отраслях⁹, но вряд ли будет способствовать решению геополитических задач на востоке страны.

В 2008 г. началось строительство железной дороги Нарын – Лугокан в рамках проекта по освоению пяти полиметаллических месторождений на юго-востоке Забайкальского края на условиях государственно-частного партнерства: основная доля финансирования обеспечивалась средствами федерального бюджета. Компания-инвестор «Норильский никель», которая вначале заявила о планах создания горнопромышленного кластера и получила лицензии на все месторождения, после падения цен на металлы в период кризиса 2008–2009 гг. приняла решение сократить число ГОКов с пяти до двух – Быстринского и Бугдаинского. Поэтому

⁹ Горина К. В., Фалейчик Л. М. Особенности иностранной трудовой миграции в контексте развития приграничного региона востока России // ЭКО. – 2014. – № 9. – С. 118–133.

протяжённость железнодорожной ветки была сокращена почти вдвое – с 425 до 223 километров, и дорога была построена от станции Борзя до Газимурского завода. Строительство было завершено в 2012 г. Однако сроки строительства ГОКов в очередной раз были перенесены, первый из них заработает в лучшем случае в 2016 г. К настоящему времени по дороге только раз прошёл рабочий поезд и состоялось несколько технологических объездов.

Затраты на строительство оцениваются по-разному, но в любом случае они составляют десятки миллиардов рублей. Железнодорожная ветка нужна не только для перевозки концентрата – на нее большие надежды возлагало население приграничных районов, где она была нужна людям для их базовых нужд. Многие населенные пункты не были связаны с краевым центром и между собой железнодорожным сообщением – при ужасающем качестве автомобильных дорог это создавало значительные и практически ежедневные неудобства. Однако институт ГЧП оказался «нечувствительным» к проблемам, не связанным с получением доходов: дорога фактически брошена, никто не поддерживает ее в рабочем состоянии.

Заметим, что ГЧП в данном случае оказалось очень уязвимо по отношению к ценам на мировых рынках; в этом контексте интересны результаты социологических исследований ИЭОПП СО РАН¹⁰. Уже в 2014 г. железнодорожная ветка практически пришла в негодность и требует значительных затрат на ремонт¹¹. Эта история звучит особенно драматично, учитывая удручающие условия жизни в приграничных регионах. Например, доля благоустроенного жилья в Забайкальском крае в 2014 г. составила менее 52%, и этот показатель с 2000 г. вырос лишь менее чем на 5 п.п.

Одним словом, речь идет не только и даже не столько об увеличении финансовых потоков для поддержки развития востока России. *Необходимо существенно повысить эффективность этой деятельности, институционально обеспечить ее нацеленность на сохранение и развитие человеческого капитала и преодоление неоднородности пространства по условиям жизни людей.*

¹⁰ Богомолова Т. Ю. Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. как риск развития человеческого потенциала населения // Перспективы и риск развития человеческого потенциала в Сибири (под ред. В. В. Кулешова). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 77–91.

¹¹ URL: <http://news.chita.ru/63604/> (дата обращения: 15.09.2014).

Что должны показывать показатели?

Сравнительные преимущества приграничных регионов Азиатской России в контексте экономической динамики – это наличие у них богатых запасов природных ресурсов и удобное географическое положение. Эти факторы П. Кругман¹² относит к факторам «первой природы». Однако из-за сложившейся институциональной системы (которую П. Кругман относит к факторам «второй природы») они остаются в значительной степени нереализованными и в некоторых случаях становятся барьерами для модернизации и инноваций¹³.

В основных государственных стратегических документах, посвященных развитию Дальнего Востока и Байкальского региона – в «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»¹⁴ (далее – Стратегия) и в Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»¹⁵ (далее – Программа) поставлены две важнейшие задачи:

– «На территории Дальнего Востока и Байкальского региона должны быть созданы мощные экспортно-ориентированные высокотехнологичные производства на уровне мировых стандартов, крупные исследовательские центры. Необходимо уделить особое внимание развитию производств высокой степени переработки, инвестициям в образование, в науку, в организацию крупных научных центров в целях создания собственной базы для развития высоких технологий»;

– «обеспечить миграционный прирост населения макрорегиона за счет прекращения оттока коренных жителей и притока населения из других регионов России».

¹² Krugman P. R. Geography and Trade. Cambridge. – MA: MIT Press, 1991.

¹³ Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010.; Колесникова А. В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. – 2013. – № 11 (473). – С. 5–25.

¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/346/ (дата обращения: 05.09.14).

¹⁵ Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. Государственная программа. URL: <http://minvostokrazvitia.ru/upload/iblock/152/programma.pdf> (дата обращения: 07.08.13).

Проведенный анализ говорит о том, что к настоящему времени задачи, поставленные в Стратегии и Программе, еще очень далеки от своего решения. Создаваемые Правительством РФ инструменты пока не принесли ощутимых результатов в контексте сохранения человеческого капитала и повышения его качества. Программы государственно-частного партнерства в горнорудной промышленности¹⁶, приоритетные проекты в лесном комплексе¹⁷ вообще не ставят такой задачи. По-видимому, без «интеграции» этого комплекса задач в программы развития и создания соответствующих инструментов для их решения целей Стратегии в среднесрочной перспективе достичь не удастся. Государственные институты, призванные обеспечить приближение к желаемым результатам, в значительной степени еще только предстоит создать. Это должен быть адаптивный процесс, для «обслуживания» которого необходимо легитимизировать и сделать приоритетными показатели, отражающие состояние и динамику человеческого капитала в регионе.

В этой ситуации наиболее чувствительными индикаторами являются показатели миграционной динамики – они, в некотором смысле, «истина в последней инстанции». Однако они реагируют на изменения с некоторым временным лагом, поэтому для оценки степени приближения к заявленным целям (и вообще для оценки правильности выбранного пути) необходимы еще и другие характеристики социально-экономических процессов. *Важнейшими в этом контексте являются показатели качества жизни, и на достижение их позитивной динамики в первую очередь должны быть нацелены меры по совершенствованию институциональной среды* для обеспечения положительной динамики развития. Темпы экономического роста, объемы производства на душу населения, при всей их значимости – вторичны.

Ясно, что таких показателей должно быть много, и они должны характеризовать все стороны условий жизни людей в регионах: обеспеченность жильем, медицину, образование, доходы, уровень неравенства, безопасность и др. Формирование разных

¹⁶ Лавлинский С. М., Калгина И. С. Модельный инструментальный результативного управления в ресурсном регионе // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 2. – С. 56–67.

¹⁷ Антонова Н. Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. – 2014. – № 6 (480). – С. 40–55.

«интегральных» показателей вряд ли целесообразно: они ничего не дают в содержательном смысле, позволяют чиновникам манипулировать цифрами для достижения «результатов», которые украсят их отчеты.

В различных стратегических документах, конечно, присутствуют прогнозные социальные показатели, в том числе отражающие качество жизни. Однако для их достижения обычно не предусмотрено никаких механизмов – как бы предполагается, что они сами собой увеличатся по мере экономического развития. В частности, в программах и документах мало внимания уделяется показателям производительности труда, хотя в научной литературе уже достаточно хорошо изучена их пространственная дифференциация¹⁸.

Производительность труда в восточных приграничных регионах России значительно ниже среднероссийской (таблица).

Производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока¹⁹ в 2000–2011 гг., тыс. руб./чел.

Регион	2000	2011	Рост, %
Республика Тыва	36,23	51,60	142
Хабаровский край	96,02	139,77	146
Республика Бурятия	54,55	81,07	149
Республика Алтай	32,51	51,07	157
Амурская область	61,80	100,52	163
Забайкальский край	66,77	111,99	168
Российская Федерация	89,18	150,20	168
Алтайский край	42,10	71,72	170
Новосибирская область	63,73	110,75	174
Приморский край	65,70	116,22	177
Еврейская автономная область	53,90	106,58	198
Омская область	48,05	103,73	216

¹⁸ Михеева Н. Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. – 2013. – № 1. – С. 11–32.

¹⁹ Забелина И. А., Клевакина Е. А. Производительность труда в приграничных регионах РФ // Кулагинские чтения: техника и технологии производственных процессов: XIV Международная научно-практическая конференция: сборник статей: ЗабГУ. – Чита, 2014.

Этот показатель характеризует, в том числе, качество рабочих мест, его динамика отражает степень модернизации и улучшение структуры региональной экономики, поэтому его необходимо включить в программы развития и разработать специальный индикативный план и инструментарий для его выполнения. (Разумеется, слова о повышении производительности труда есть в любых программах, но они редко находят отражение в перечнях конкретных задач и проектов.)

При разработке региональных стратегических документов критически важно учитывать социальные риски воспроизводства человеческого потенциала, для которых разработаны и систематизированы соответствующие индикаторы; очевидно, при учете этих рисков совершенно необходимо принимать во внимание специфику региона²⁰. Пока нет оснований надеяться на то, что экономический рост и наполняемость бюджета автоматически решат эти проблемы.

* * *

Итак, неэффективность усилий по развитию востока России в значительной степени объясняется тем, что государственные институты считают экономический рост и бюджетные потоки главными факторами межрегиональной конкуренции за человеческий капитал, а на самом деле этим фактором является качество жизни людей в регионах.

Развитие человеческого капитала – в количественном и качественном отношении – даст дополнительные возможности для улучшения структуры и модернизации региональных экономик, преодоления их сырьевой ориентации. Хорошо известно, что сырьевая экономика гораздо менее требовательна к качеству человеческого капитала, поэтому сохранение существующих трендов – прямой путь к закреплению сырьевой специализации и консервации отставания, и от других российских регионов, и от сопредельных китайских. В конечном итоге это – проигрыш и в межрегиональной, и в межстрановой конкуренции.

²⁰ Калугина З. И., Черкашина Т. Ю. Социальные риски развития человеческого потенциала: основные понятия и индикаторы оценки // Перспективы и риск развития человеческого потенциала в Сибири (под ред. В. В. Кулешова). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 13–25.

На уровне региональных властей уже ощущается, хотя и довольно слабый, спрос на улучшение институциональной среды, поскольку существующая уже показала свою неэффективность в решении задач развития. В восточных приграничных регионах это уже привело к тревожным тенденциям в контексте геополитических задач и национальной безопасности в условиях нашего малонаселенного приграничья, и есть опасения, что ситуация будет только ухудшаться²¹.

В органах власти всех уровней еще сохранились иллюзии, что приграничное положение рядом с мощным Китаем поможет нам решить задачи развития промышленности, модернизации экономики, внедрения инноваций. Однако уже имеющийся опыт говорит о том, что при существующих социально-экономических условиях в России и форматах сотрудничества китайская сторона не имеет достаточной мотивации для инвестирования в высокотехнологичные и инновационные российские проекты, в том числе для производства продукции с высокой долей добавленной стоимости²². Эту задачу приграничным регионам востока России придется решать самим²³.

²¹ Горина К. В., Булаев В. М. Геополитическое значение демографической ситуации в пограничном регионе России // Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 77–82.

²² Кулешов В. В., Атанов Н. И., Безруков Л. А. и др. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 6. – С. 62–69.; Глазырина И. П., Фалейчик А. А., Фалейчик Л. М. Приграничное сотрудничество в свете инвестиционных процессов: пока минусов больше, чем плюсов // ЭКО. – 2011. – № 9. – С. 50–70.; Глазырина И. П. Парадоксы трансграничной экономики // XIII Апрельская международная конференция по проблемам развития экономики и общества. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 281–290.

²³ Крюков В. А. «Страна возможностей необычайных» // ЭКО. – 2014. – № 6. – С. 2–4.